

ИРАН

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

ДМИТРИЙ ТРЕНИН
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН • МОСКВА • ПЕКИН • БЕЙРУТ • БРЮССЕЛЬ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ИРАН: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

ДМИТРИЙ ТРЕНИН
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

МОСКВА 2010

УДК 327.8
ББК 66.4 2(Рос)
Т66

Перевод с английского Максима Коробочкина.

Iran: A View From Moscow.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications/>

Издание подготовлено в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительных фондов Carnegie Corporation of New York, Charles Stewart Mott Foundation, Open Society Institute.

В брошюре отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Распространяется бесплатно.

Научно-техническое обеспечение — Кристина Кудлаенко.

Тренин Д. В.

Т66 Иран: взгляд из Москвы / Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко ; пер. с англ. М. Коробочкина ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2010. — 31 с.

ISBN 978-5-905046-03-2

Брошюра посвящена российской точке зрения на иранскую проблему. Рассмотрена внутривнутриполитическая обстановка в Исламской Республике. Проанализированы интересы России в регионе Большого Ближнего Востока, их совместимость с интересами других внешних игроков, в первую очередь США. Дан перечень позиций, определяющих разумную, по мнению авторов, стратегию в отношении Ирана.

УДК 327.8
ББК 66.4 2(Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Об авторах
- 5 Благодарность
- 7 Иран — главная проблема ближайшего десятилетия
- 9 основополагающие представления и главные вопросы
- 12 Внутриполитическая ситуация
- 17 Чего хочет Иран?
- 20 Иранская ядерная проблема
- 21 Российско-иранские отношения
- 27 Путь вперед в иранском вопросе
- 30 Summary (In English)
- 31 О Фонде Карнеги

ОБ АВТОРАХ

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
4

Тренин Дмитрий Витальевич — директор Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Внешняя политика и безопасность».

Малашенко Алексей Всеволодович — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

БЛАГОДАРНОСТЬ

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
5

Авторы выражают признательность участникам весьма активных, а порой и жарких дискуссий в Московском Центре Карнеги в 2009—2010 гг.: Юрию Александрову, Сергею Арутюняну, Сергею Демиденко, Сергею Дружиловскому, Елене Дунаевой, Георгию Ежову, Ефиму Жигуну, Александру Игнатенко, Виктору Коргуну, Олегу Кулакову, Аждару Куртову, Александру Лукоянову, Нине Мамедовой, Азизу Ниязи, Александру Оболонкову, Александру Полищуку, Лане Раванди-Фадаи, Владимиру Сажину, Мехди Санаи, Евгению Сатановскому, Раджабу Сафарову, Александру Умнову, Никите Филину, Антону Хлопкову и Константину Шувалову. Мы благодарны этим уважаемым коллегам за помощь и комментарии, но, конечно, полностью берем на себя ответственность за содержание данного доклада и особенно за рекомендации.

ИРАН — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА БЛИЖАЙШЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Во втором десятилетии XXI в. Исламская Республика Иран станет источником одной из самых серьезных проблем на международной арене, вполне способной затмить по своему значению Ирак и Афганистан, доминировавшие в заголовках новостей в 2000-х годах. Более того, уже в скором времени иранский вопрос может отодвинуть на второй план афганский и иракский в одном аспекте: не исключено, что он превратится в главную проблему Ближневосточного региона, отобрав пальму первенства у израильско-палестинского конфликта. Как и в отношении ближневосточного конфликта, линия Вашингтона по иранскому вопросу может на несколько лет, а то и десятилетий определить весь политический курс США, да и других основных заинтересованных сторон — России, Китая, Индии и соседей Ирана.

До прихода к власти администрации Обамы еще можно было утверждать, что решение иранской ядерной проблемы зависит в основном от готовности Вашингтона сделать три вещи: отказаться от смены режима в Тегеране в качестве политической цели, начать диалог с руководством и народом Ирана и предложить иранской стороне прямые переговоры на основе признания ее законных интересов в сфере безопасности. Иными словами, для достижения компромисса между США и Ираном необходима была «смена режима», — но не в Тегеране, а в Вашингтоне.

И эта смена произошла в январе 2009 г. Барак Обама без промедления занялся налаживанием диалога с иранским руководством. Уже весной он лично обратился к Исламской Республике и ее гражданам в своем поздравлении с Новым годом по мусульманскому календарю. Несколько месяцев спустя Обама не допустил, чтобы внутриполитические события в Иране после спорных президентских выборов 12 июня 2009 г. сорвали наметившийся диалог между двумя странами. Кроме того, администрация США заявила о принципиальном согласии на обогащение урана на иранской территории (в ограниченных масштабах) при условии, что основная часть этой работы будет проводиться за рубежом с помощью Франции и России — двух государств, которые никак не назовешь марионетками Вашингтона.

Однако в ответ на эти демарши руководство Ирана пока решило — или было вынуждено решить — не идти на соглашение, поддерживаемое

великими державами. Это решение стоило ему новых санкций, введенных резолюцией 1929 Совета Безопасности ООН в июне 2010 г. (при этом Россия и Китай также проголосовали за ее принятие). С помощью Бразилии и Турции Тегеран предпринял заранее обреченную на провал попытку заблокировать резолюцию, но, возможно, единственной целью этого шага было внести раскол в международное сообщество на уровне «большой двадцатки», поскольку пять постоянных членов Совета Безопасности уже договорились между собой.

Лидеры Ирана, несомненно, осознают, что пребывание на посту президента Барака Обамы дает им наилучший за последние двадцать лет шанс достичь договоренности с Соединенными Штатами, Советом Безопасности ООН и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Их нежелание или неспособность идти на ответные шаги может означать лишь одно: руководство Исламской Республики связало геополитическую судьбу страны с осуществлением ядерной программы без каких-либо ограничений и продолжением конфронтации. Договоренность пока еще возможна, но срок для ее достижения скорее всего не превышает ближайšie 12—18 месяцев. После этого отказ Тегерана от сотрудничества создаст серьезнейшую опасность для самого Ирана и всего региона.

Неудача, постигшая на сегодняшний день попытки наладить диалог с Ираном, требует свежего взгляда и бесстрастного анализа. О свежем взгляде мы говорим в том смысле, что очень многие считали: «смена режима» в Вашингтоне и единство среди постоянных членов Совета Безопасности ООН — это все, что нужно для достижения договоренности. Что же касается бесстрастности, то она необходима потому, что за долгие годы иранский вопрос приобрел ярко выраженную идеологическую и эмоциональную окраску. Ниже мы попытаемся дать именно такой анализ.

В нашем докладе представлен «взгляд из Москвы». Это, конечно, не означает, что наша точка зрения совпадает с позицией российских властей, скорее она основана на долгом и неоднозначном опыте взаимоотношений России с Ираном. Хотя многие в США считают, что Россия близка с этой страной и даже состоит с ней в антиамериканском альянсе, на деле все обстоит почти с точностью до наоборот — или по крайней мере куда сложнее.

В прошлом Россия была для Ирана империей-соперницей, колонизатором-угнетателем, безбожной державой-противницей. Были, однако, у двух стран и периоды сотрудничества. Долгая память, географическая близость и тесные контакты во времена, когда ситуация была совершенно иной, чем сейчас, сформировали у россиян особое отношение к Ирану. В нем сочетаются уважение и опасения, зачарованность и неприязнь. Естественно, этот неоднозначный исторический опыт окрашивает и нынешнюю позицию России по Ирану.

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
8

Договоренность пока еще возможна, но срок для ее достижения скорее всего не превышает ближайšie 12—18 месяцев. После этого отказ Тегерана от сотрудничества создаст серьезнейшую опасность для самого Ирана и всего региона.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
9

С точки зрения Москвы иранский вопрос многогранен — он не сводится к одномерной истории с нарушением режима нераспространения. В российской интерпретации нынешний Иран — прежде всего усиливающаяся региональная держава, и его ядерные амбиции играют в этом сценарии не эпизодическую, а одну из главных ролей. Нельзя сводить «иранский нарратив» и к поддержке терроризма или отрицанию Холокоста руководством страны. Речь здесь идет также о геополитической и стратегической асимметрии в весьма сложном регионе. На первый взгляд Израиль и Иран напоминают Давида и Голиафа. Однако израильский «Давид», вполне вероятно, обладает «ядерной пращой» и имеет в союзниках Соединенные Штаты — самое мощное в военном отношении государство мира. В то же время «Голиаф» осуществляет свое влияние с помощью группировок вроде «Хизбаллы» и ХАМАСа, способных наносить удары в глубине территории Израиля и проводить теракты против его населения. Наконец, упрощением было бы представлять ситуацию как конфликт теократического авторитарного режима со светской демократией или «столкновение цивилизаций». В политическом отношении, например, Исламская Республика гораздо свободнее, чем большинство арабских стран; кроме того, и ее правящий режим, и оппозиция действуют в исламском контексте. В то же время Иран жаждет модернизации.

В связи с российским вариантом оценки ситуации с Ираном возникает несколько вопросов.

Во-первых, учитывая историю американо-иранских отношений после свержения шаха в 1979 г., смирится ли Вашингтон с превращением Ирана в ядерную державу и сможет ли ограничиться по отношению к нему политикой сдерживания? Или США постараются не допустить такого исхода — либо напрямую, задействовав авиацию и флот, либо косвенно, предоставив Израилю нанести удар и помогая ему разведывательными данными и средствами тылового обеспечения?

Во-вторых, как поступит Тель-Авив? Израиль — единственная ближневосточная страна, обладающая ядерным арсеналом (пусть официально он этого и не признает). В то же время это единственное государство, само существование которого окажется под вопросом при появлении у Ирана ядерного оружия. «Двойное отрицание» президента Ахмадинежада — отрицание Холокоста и права Израиля на существование — не сулит израильтянам ничего хорошего. У них есть все основания для тревоги. Но можно ли считать недавние жесткие заявления Тель-Авива свидетельством его растущей решимости разобраться с иранской ядерной программой

С точки зрения
Москвы иранский
вопрос многогра-
нен — он не сводится
к одномерной истории
с нарушением режима
нераспространения.

так же, как в свое время с иракским реактором «Озирак»? Или это просто дипломатический ход?

А что же другие крупные игроки? Как остальные постоянные члены Совета Безопасности — Британия, Франция, Россия и Китай — будут реагировать на развитие событий, учитывая их экономические интересы в Иране? (Германия не входит в число постоянных членов Совбеза, но тоже является важным игроком, имеющим в Иране деловые интересы.)

Нельзя забывать и об Индии — еще одной нарождающейся великой державе. Подобно Израилю и в отличие от Ирана она не присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и не отказывается от права на разработку ядерных вооружений. После испытаний индийского ядерного взрывного устройства десяток лет назад — несмотря на протесты и осуждение со стороны международного сообщества — у конфронтации на субконтиненте появился ядерный аспект.

Пакистан, граничащий с Ираном, также не подписал ДНЯО и обладает ядерным потенциалом, созданным в рамках соперничества с Индией. Эта страна не только оказывает моральную поддержку Тегерану и служит для него вдохновляющим примером в деле разработки ядерного оружия: в 1990-х и начале 2000-х годов через подпольную коммерческую сеть, созданную пакистанским ученым-ядерщиком Абдулом Кадир Ханом, иранцы получили техническую помощь в осуществлении своей ядерной программы. Какое место занимают все эти факты в иранской головоломке?

Не исключено, что где-то в недрах пакистанского ядерного арсенала хранится пара бомб, принадлежащих сопернице Исламской Республики в борьбе за региональную гегемонию — Саудовской Аравии. Утверждают, что Эр-Рияд оказывал Исламабаду финансовую помощь в осуществлении его ядерной программы. В свою очередь, США предлагают королевству защиту собственными стратегическими силами сдерживания. Удовлетворится ли Саудовская Аравия гарантиями Вашингтона или сочтет необходимым обзавестись собственным ядерным потенциалом под национальным контролем?

И как поведут себя малые государства, входящие в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива? Саддам Хусейн в свое время провозгласил Кувейт «отколовшейся» иракской провинцией; сегодня из Тегерана порой звучат аналогичные заявления в отношении Бахрейна, где большинство населения составляют шииты. Объединенные Арабские Эмираты — самое крупное из малых государств Залива — связывают с Ираном отношения, которые не назовешь иначе как шизофреническими. С одной стороны, Иран — важнейший торговый партнер ОАЭ, а с другой — именно от него исходит серьезнейшая геополитическая угроза этому государству. Не пожелают ли ОАЭ также укрыться под «ядерным зонтиком»?

Наконец, что можно сказать об остальном арабском мире, где к персам традиционно относятся с недоверием? Современному Ираку, конечно, уже не грозит превращение в ядерную державу — по крайней мере, в обозримом будущем. Ливия отказалась от своей ядерной программы, и возобновить ее будет трудно, а то и невозможно. Недавно Израиль, как утверждается, уничтожил сирийский ядерный объект; на его восстановление потребуется немало времени. Что же касается Египта, то хотя его некогда сильное влияние в арабском мире за последние двадцать лет ослабло, Каир по-прежнему считает себя естественным лидером и рупором арабов. Не решит ли он, что собственная ядерная программа, конкурирующая с иранской, — именно то, что необходимо для возврата утраченного влияния?

В последние годы важные и интересные изменения претерпела внешняя политика Турции. Сегодня она рассматривает себя не как «просителя» у двери ЕС, а как региональную державу, гордо возвышающуюся на перекрестке между Европой и Ближним Востоком. Анкара проводит независимую политику в отношении Тегерана и недавно попыталась выступить в роли международного посредника в споре вокруг иранской ядерной программы. Что сделает Турция, если из-за позиции Ирана эта дискуссия прекратится?

Что же касается самого Ирана, то мы в Москве не видим особых возможностей остановить его, если он решил любой ценой заполучить атомную бомбу. Если страна с семидесятимиллионным населением, историей государственности в два с половиной тысячелетия (как считают сами иранцы) и достаточным уровнем технического развития твердо намерена стать ядерной державой, она ею станет. Единственный способ не допустить этого — четко дать понять иранскому руководству, что негативные последствия такого курса намного превысят ожидаемые выгоды. Это можно назвать стратегией разубеждения или дипломатическим сдерживанием.

Чтобы подобная стратегия могла увенчаться успехом, в ее основе должно лежать глубокое понимание внутренней ситуации в Иране, структуры власти в этой стране и динамики политических событий. Необходимо также принять во внимание международные амбиции Тегерана и характер его отношений с ключевыми игроками в регионе и мире. Наконец, неприятие ядерной программы Исламской Республики должно сочетаться с признанием ее легитимных национальных интересов, в том числе и в сфере безопасности.

Мы проанализируем, из каких элементов должна состоять эта стратегия. В частности, попытаемся дать ответы на следующие вопросы:

- Что происходит в Иране?
- Чего хочет Иран?

Единственный способ не допустить превращения Ирана в ядерную державу — четко дать понять иранскому руководству, что негативные последствия такого курса намного превысят ожидаемые выгоды.

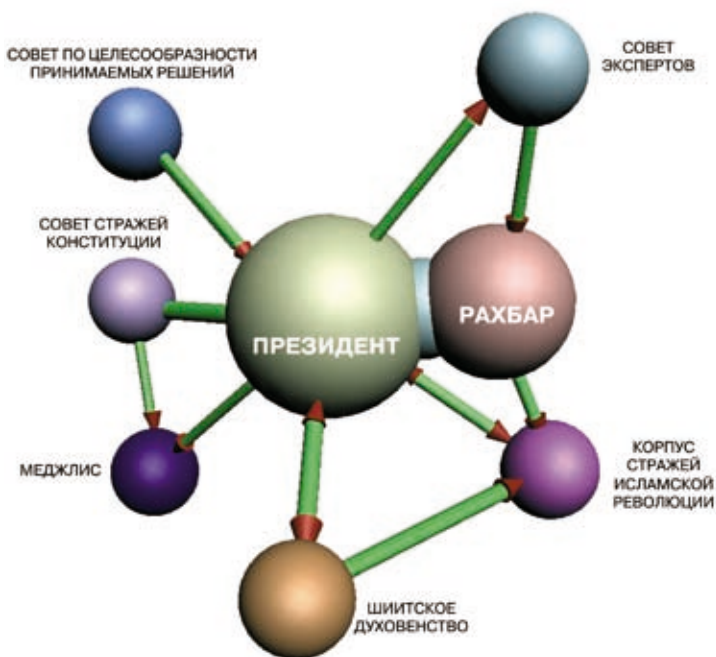
- Каково вероятное развитие событий в «ядерном вопросе»?
- Какие варианты действий есть у международного сообщества?

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В 2009 г. исполнилось тридцать лет Исламской революции и одновременно разразился самый серьезный внутривнутриполитический кризис из всех, с которыми до сего времени пришлось столкнуться нынешнему иранскому режиму. «Зеленое движение» во главе с Мир-Хосейном Мусави, возглавлявшим правительство Ирана в 1981—1989 гг., привлекло на свою сторону сотни тысяч людей. Они организовали почти непрерывную серию антиправительственных демонстраций, оспаривая легитимность переизбрания Махмуда Ахмадинежада на пост президента 12 июня.

Несмотря на масштаб и интенсивность акций протеста, сегодня уже очевидно, что правящий режим успешно разменял четвертый десяток лет у власти. По мере того как демонстранты постепенно покидали улицы и убирали свои плакаты, надежды многих американцев и европейцев на торжество демократии над коррумпированной «аятоллаетией» развеивались. Сельские жители в массе своей по-прежнему поддерживают Ахмадинежада. Если не большинство простых иранцев, то элита страны, судя по всему, считает: исламское государство — это то, что нужно Ирану; возможно его реформирование, но никак не демонтаж. Политики, представляющие как власть, так и оппозицию, тщательно придерживаются канонов ислама. Таким образом, связь между религией и политикой по-прежнему сильна, и в краткосрочной или среднесрочной перспективе крушения нынешнего режима ожидать, пожалуй, не приходится.

Сейчас политическая власть в Иране принадлежит первому поколению исламских лидеров (во главе с высшим руководителем Али Хаменеи) и представителям второго поколения (к ним относятся в первую очередь Ахмадинежад и председатель Парламента Али Лариджани). Третье поколение (те, кому сейчас за тридцать или за сорок), пока еще карабкается по «намыленному столбу» к верховной власти, но в ближайшем десятилетии эти люди будут оказывать все большее влияние на принятие политических решений. Между различными поколениями в руководстве существует некоторая напряженность, но нет фундаментальных разногласий относительно системы управления страной. Иранская правящая элита остается по сути консервативной и настроена против глубоких политических реформ.

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
13

Рис. 1. Структура власти в Иране. Данная схема является отображением представления авторов о том, как в реальности управляется Иран. Она отличается от официальной структуры власти, прописанной в Конституции страны, но показывает действительное распределение властных полномочий и существующие неформальные связи между различными центрами власти.

Одна из причин устойчивости нынешнего иранского режима связана с его полицентричной структурой. В отличие от советского строя эта система не похожа на статичную однопартийную пирамиду. Скорее она напоминает протопланетарную систему, где космическая материя постепенно превращается в плотные образования на определенной сбалансированной орбите, определяемой притяжением, отталкиванием, завихрениями и потоками частиц. На поверхности эта система находится в постоянном движении, но в основе своей она весьма стабильна. В соответствии с этой аналогией прошлогоднюю волну протестов можно сравнить со скоротечным периодом турбулентности.

Согласно принципу *вилайет-э-факих*¹, закрепленному в Конституции Ирана, верховная власть в стране принадлежит рахбару — религиозному лидеру, выбираемому небольшой группой высшего духовенства. Хотя последнее слово в процессе принятия решений остается за рахбаром, он не участвует в повседневном руководстве государством. В свою очередь, президент Исламской Республики избирается всенародно и возглавляет исполнительную власть, но не способен действовать без благословения рахбара. Таким образом, эффективность управления страной зависит от степени сотрудничества между рахбаром и президентом.

Мы знаем, что Али Хаменеи, ставший преемником вождя Исламской революции аятоллы Рухоллы Хомейни после его смерти в 1989 г., в целом поддерживает президента Ахмадинежада. В то же время между ними

¹ *Вилайет-э-факих* («надзор правоведа») — теория в шиитском исламе, гласящая, что ислам предоставляет факиху (богослову-правоведу) право попечения над теми, кто в нем нуждается.

усиливается и соперничество. Хаменеи (ему 71 год) стремится укрепить свой постепенно слабеющий авторитет, а амбициозный, энергичный пятидесятичетырехлетний Ахмадинежад жаждет оставить неизгладимый след в истории своей страны.

Тем не менее падение одного из этих деятелей (и даже обоих) еще не означает крушения режима. Помимо Хаменеи и Ахмадинежада у него есть и другие опоры.

Таким образом, хотя взаимодействие рахбара и президента представляет собой центральный элемент иранского государственного строя, оно не является обязательным условием его существования. Существует ряд других важных органов, обладающих значительной самостоятельностью. Один из ключевых институтов — это Совет экспертов, работающий за закрытыми дверями, — хотя бы потому, что именно он наделен полномочиями назначать и смещать высшего руководителя. Значение этого органа, состоящего из 86 экспертов-богословов (муджтахидов), особенно возрастает в те моменты, когда внутри режима усиливается напряженность, а между рахбаром и президентом возникают разногласия. Ахмадинежад явно стремится заручиться поддержкой Совета экспертов. Она необходима ему (особенно учитывая преклонный возраст и слабеющее здоровье Хаменеи), чтобы преемником нынешнего высшего руководителя был избран его единомышленник. Однако нынешний председатель Совета экспертов (и по совместительству глава Совета целесообразности) бывший президент Али Акбар Хахеми-Рафсанджани, слывающий одним из ведущих прагматиков в высших эшелонах власти, настроен критически как в отношении рахбара, так и в отношении президента.

Совет стражей конституции, состоящий из шести представителей духовенства и такого же числа специалистов по исламскому праву (факихов), надзирает за решениями, принимаемыми Парламентом (Меджлисом), и проведением выборов. Он уполномочен налагать вето на принятые законы и утверждать результаты выборов. Этот весьма консервативный орган подвергается критике со стороны либерально настроенных парламентариев, но в целом Меджлис избегает принятия законов, которые Совет стражей конституции мог бы счесть противоречащими нормам исламского права. Дело в том, что в Меджлисе, хоть он и избирается всенародно, преобладают консерваторы — исламские радикалы. В то же время он предоставляет либералам, пусть и весьма немногочисленным, а также независимым депутатам трибуну для высказывания собственной точки зрения, не совпадающей с мнением большинства.

Среди официальных полномочий Парламента — утверждение состава правительства. У Ахмадинежада уже возникали трудности с прохождением отобранных им кандидатур через Меджлис. С другой стороны,

немногочисленные технократы в составе кабинета критикуют президента за провалы в руководстве экономикой и неофициально выступают за более гибкий внешнеполитический курс, опасаясь негативных последствий международных санкций.

В плане карательных функций иранский режим опирается на 125-тысячный Корпус стражей Исламской революции, официально подчиненный высшему руководителю. Это крайне идеологизированная сила. Консервативное командование Корпуса видит себя защитником идеалов революции и без колебаний использует свои власть и влияние против более либеральных кругов режима.

Противовесом Корпусу являются Вооруженные силы (численность — 550 тыс. человек). Военным не нравится идеологический экстремизм Корпуса стражей и их прямое участие в политических процессах. Две эти военные структуры рассматривают друг друга как главных конкурентов. Попытки правительства улучшить отношения между Корпусом и армией, меняя местами представителей высшего командования этих формирований, особым успехом не увенчались. Так или иначе профессиональные военные привыкли воспринимать как противника внешние силы, им неприятно вспоминать, как в 1978 г. шах посылал армейские танки для разгона демонстраций.

Возможно, именно по этой причине во время потрясений 2009 г. верховное командование Вооруженных сил предпочло оставаться в стороне от подавления выступлений протестующих. Впрочем, Корпус стражей, несмотря на всю его идеологизированность и политизированность, также не привлекли для этих целей. В то же время режим в полной мере задействовал басиджей — военизированные формирования, напрямую подчиненные президенту и выполняющие функции исламской «полиции нравов». Таким образом, именно басиджи в первую очередь несут ответственность за жертвы среди оппозиционеров.

Реальная ситуация в Иране не соответствует популярному стереотипу «аятоллакратии». Шиитское духовенство страны отнюдь не монолитно. Так, оба высших руководителя, естественно, получили титул великого аятоллы. Председатель Совета экспертов и Совета целесообразности Рафсанджани и глава Совета стражей конституции Али Дженнати — аятоллы. Бывший президент Ирана либерал Мохаммад Хатами носит почетный титул ходжат-оль-ислам (буквально «знаток ислама»). Видный критик режима покойный Али Монтазери тоже был аятоллой. Спикер Меджлиса, а в прошлом главный иранский переговорщик по ядерной проблеме Али Лариджани — видный ученый-богослов, его отец носил титул аятоллы. Один из лидеров оппозиции Мехди Керубби — также влиятельный религиозный деятель. Духовенство священного города Кум

славится независимостью взглядов. Многие его представители сегодня считают, что политика нынешнего руководства не полностью соответствует принципу *вилайет-э-факих*, фактически ставя под вопрос легитимность избрания Ахмадинежада и косвенно критикуя позицию самого Хаменеи. И так, в рядах исламского духовенства существует широкое разнообразие мнений; его не назовешь сплоченной политической силой.

Нельзя говорить и о четком водоразделе между режимом и оппозицией. Режим отнюдь не монолитен. Границы между консерваторами, радикалами, традиционалистами размыты. Как правило, политические интересы берут верх над идеологическими предпочтениями. В частности, аятоллы старшего поколения недовольны попытками Ахмадинежада присвоить себе наследие Исламской революции и его критикой в адрес тех, кто использовал революционный энтузиазм народа для личного обогащения. Консерваторы отвергают социально-политический радикализм Ахмадинежада, но одобряют его жесткие действия в отношении протестного движения, угрожавшего стабильности в стране. Конкурирующие группировки в составе режима вступают в диалог с отдельными элементами оппозиции, хотя и не полностью разделяют их взгляды. Так, определение «либералы», которым обычно награждают бывшего президента Хатами (он занимал этот пост в 1997—2005 гг.) и его сторонников, вполне подошло бы и некоторым министрам в правительстве Ахмадинежада, и инакомыслящим атотлам, критикующим рахбара, и даже Рафсанджани — воплощению прагматизма в иранской политической жизни. Оппозиция отличается разнообразием идейных и политических пристрастий и потому раздроблена. Многие ее потенциальные лидеры не обладают личной харизмой и не могут объединиться ради общего дела.

«Зеленое движение» Мир-Хосейна Мусави объединяет горожан. Его программа-минимум — сместить нынешнего президента, которого оппозиционеры после выборов 2009 г. считают узурпатором, и установить более либеральный режим в политике и экономике. Однако некоторые участники движения, например, монархисты, идут дальше — они категорически не приемлют сам принцип *вилайет-э-факих*. «Зеленое движение» поддерживают разнообразные эмигрантские организации, в том числе Комитет пятнадцати со штаб-квартирой в Лондоне, объединяющий некоторых либералов эпохи Хатами и представителей светской интеллигенции.

После неудачи массовых акций протеста в 2009 г. «Зеленое движение» вступило в период кризиса. Его общественные центры и интернет-сайты закрыты. Открытые выступления некоторых «зеленых» в пользу светского государства и их связи с эмигрантскими кругами ослабили популярность движения в народе. Сами его лидеры признают: две трети населения страны поддерживает принцип исламского государства. Чтобы добиться успеха,

Оппозиция отличается разнообразием идейных и политических пристрастий и потому раздроблена. Многие ее потенциальные лидеры не обладают личной харизмой и не могут объединиться ради общего дела.

лидерам движения необходимо пересмотреть его стратегию, избегать радикального секуляризма и приглушить сотрудничество с иранскими эмигрантами.

Исламские реформаторы тоже сталкиваются с серьезными проблемами. Сегодня в их рядах нет популярного религиозного идеолога, который мог бы обеспечить поддержку идее реформ. Накануне Исламской революции эту роль играл аятолла Али Шариати (1933—1977). Его идеи оказали громадное воздействие на иранское общество, но были отвергнуты клерикалами. Позднее его место занял аятолла Монтазери (1922—2009), пользовавшийся особой популярностью у молодого поколения.

Отразив недавнюю атаку оппозиции, режим не стремится полностью уничтожить своих противников. Среди причин этого — тот факт, что в рядах оппозиционеров есть ряд весьма популярных деятелей. Кроме того, в условиях внешнего давления режим заинтересован в сплочении нации. В конце концов, лидеры страны независимо от того, к какому поколению они принадлежат, — не только исламисты, но и иранские националисты. Исламизм лежит в основе их мировоззрения и служит матрицей при выработке политического курса. Национализм же ориентирует иранское руководство на усиление влияния страны на региональной и международной арене.

ЧЕГО ХОЧЕТ ИРАН?

Исламская революция в Иране произошла всего три десятилетия назад, но стремление к ее экспорту сошло на нет уже давно, еще при жизни Хомейни. Сегодня подобные идеи служат в основном целям пропаганды, рассчитанной на внутреннюю и зарубежную аудиторию. Причины, по которым революция остановилась на границах Ирана, отчасти связаны с событиями на первом этапе истории Исламской Республики. Через полтора года после свержения шаха на Иран напал Ирак — при поддержке значительной части мирового сообщества. Война, длившаяся восемь лет и унесшая до миллиона жизней, уникальным образом повлияла на национальную психологию иранского народа. Одним из ее уроков стало осознание иранцами того, что друзей в мире у них по сути нет.

Глубину психологического воздействия ирано-иракской войны (1980—1988 гг.) россиянам понять нетрудно. Борьба на Восточном фронте в Европе в годы Второй мировой войны, которая в России носила и носит название Великой Отечественной войны против фашистской Германии (1941—1945 гг.), и ее разрушительные последствия оставили глубокие шрамы в психологии многих европейцев. Подобно Великой Отечественной войне

Война, длившаяся восемь лет и унесшая до миллиона жизней, уникальным образом повлияла на национальную психологию иранского народа. Одним из ее уроков стало осознание иранцами того, что друзей в мире у них по сути нет.

для России конфликт с Ираком стал для тегеранского режима горнилом суровых испытаний.

Впрочем, не обязательно быть русским, чтобы понять: опыт последних тридцати лет научил иранский правящий режим ставить безопасность на первое место в политической повестке дня. Поэтому в речи президента Джорджа У. Буша об «оси зла» и в ремарках вице-президента Ричарда Чейни о «смене режима» Тегеран усмотрел нечто большее, чем просто «зажигательную» риторику. Крайне болезненно там воспринимают и тот факт, что в США и Великобритании нашли приют иранские роялисты, не смирившиеся с самим существованием Исламской Республики. Когда западные СМИ и неправительственные организации выступают в поддержку иранских правозащитников и оппозиционного «Зеленого движения», руководство Ирана видит в этом свидетельство того, что Вашингтон готов поддержать любых критиков и противников нынешнего режима. Воспоминания о путче, организованном в 1953 г. ЦРУ против националистически настроенного премьер-министра Мохаммада Моссадыка, стремившегося национализировать Англо-иранскую нефтяную компанию (ныне BP), по-прежнему живы и воспринимаются как национальное унижение. Кроме того, как показала Тегерану судьба Саддама Хусейна, правящие режимы могут быть свергнуты не только изнутри, но и извне.

С 2003 г., когда США вторглись в соседнюю страну, Иран вынужден мириться с присутствием мощных группировок американских сухопутных и авиационных группировок как на своем западном (Ирак), так и на восточном фланге (Афганистан), не говоря уже об американской эскадре, по-прежнему крейсирующей к югу от иранского побережья в Персидском заливе. Тегеран не оставлял без внимания и американские авиабазы в центральноазиатских государствах — Узбекистане (до 2005 г.) и Киргизии. Усугубляет ситуацию тот факт, что все эти контингенты США и НАТО состоят не из советников или инструкторов, а из боевых частей, ведущих активные военные действия. С учетом того, что Турция является союзницей США по НАТО и до 2008 г. Атлантический альянс, казалось, вел дело к присоединению Грузии, всего перечисленного было более чем достаточно, чтобы породить у иранского руководства мышление в духе «осажденной крепости».

Хотя иранский режим, мягко говоря, не питал особой симпатии к Советскому Союзу («Малому Сатане»), соперничество сверхдержав все же давало Тегерану определенное пространство для маневра. Но когда оно закончилось вместе с «холодной войной», Иран остался один на один с «Большим Сатаной» (США). Нетрудно представить себе, что он в определенной степени гордится своей способностью устоять в этом «поединке». Иран — слишком большая страна, чтобы подходить на роль простой жертвы

Когда западные СМИ и неправительственные организации выступают в поддержку иранских правозащитников и оппозиционного «Зеленого движения», руководство Ирана видит в этом свидетельство того, что Вашингтон готов поддержать любых критиков и противников нынешнего режима.

западного империализма. Учитывая его имперское прошлое, он считает себя полностью вправе претендовать на региональную гегемонию. Он намного превосходит размерами и потенциалом арабские страны «плодородного полумесяца» и Персидского залива, а также государства Южного Кавказа, Центральной Азии и Афганистан. Будучи одной из немногих стран с преимущественно шиитским населением, Иран естественно ощущает себя лидером мирового сообщества шиитов с особой «миссией». Другими словами, если в политическом плане Иран представляет собой исламское государство, то в геополитическом плане — шиитское.

Кто относится к этому мировому шиитскому сообществу? Помимо Ирана шииты составляют большинство только в Ираке и Бахрейне. При этом иракские шииты должны уживаться с еще двумя многочисленными общинами — арабами-суннитами и курдами-суннитами. Кроме того, хотя от 40% до 60% азербайджанских мусульман официально считаются шиитами, в советский период они во многом утратили связь с религией. Шиитское меньшинство существует и в ряде других стран — Ливане, Сирии, Йемене, Саудовской Аравии и Афганистане. Таджики, хотя и говорят на фарси, в подавляющем большинстве сунниты. Но если Иран когда-либо попытается задействовать зарубежные шиитские общины в качестве «пятой колонны», это скорее всего еще больше ухудшит его отношения с суннитскими странами как в арабском мире, так и за его пределами.

Тегеран, конечно, будет и дальше стремиться использовать шиитские радикальные группировки вроде «Хизбаллы» в качестве проводников своего влияния. Однако «Хизбалла», войдя в состав властных структур Ливана, все больше предпочитает действовать политическими методами, а потому коренным образом отличается от таких организаций, как «аль-Каида» или «Талибан». Из военной группировки с политическим прикрытием она все больше превращается в политическую партию с военным крылом. Другие радикальные шиитские движения слишком малочисленны и слабы, чтобы оказать существенное воздействие на соотношение сил в регионе.

Очевидно, геополитику Ирана нельзя считать полностью шиитской. Перечисленные цели уравниваются его отношениями с другими крупнейшими региональными игроками — Турцией и Пакистаном, с великими азиатскими державами — Китаем и Индией и даже с такими странами, как христианская Армения, суннитская Туркмения и «кузен» Ирана — говорящий на фарси, но суннитский Таджикистан. Кроме того, Тегеран создал военно-политический альянс с Сирией — государством, населенным в основном суннитами и управляемым алавитами. В последнее время он начал налаживать диалог со странами, противостоящими Соединенным Штатам, будь то в Азии (Северная Корея), Африке (Зимбабве), Латинской Америке (Венесуэла) или Восточной Европе (Белоруссия).

Будучи одной из немногих стран с преимущественно шиитским населением, Иран естественно ощущает себя лидером мирового сообщества шиитов с особой «миссией».

Таковы факты, относящиеся к Ирану, его истории, характеру его внутренней и внешней политики и его намерениям, как мы видим их из Москвы. Теперь остается лишь использовать их для анализа двух других поставленных нами вопросов: как будут развиваться события вокруг иранской ядерной программы и какие у международного сообщества существуют варианты действий, позволяющих направить это развитие событий во взаимовыгодное русло?

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА

Стремление к ядерному статусу вплоть до его военной составляющей представляет собой нечто вроде поисков Святого Грааля: он символизирует для иранского руководства возможность обеспечить безопасность страны и ее влияние в собственном регионе и за его пределами. Причем в этом плане мотивы Тегерана не так уж отличаются от мотивации других международных игроков. Усматривать неразрывную связь между его ядерными амбициями и Исламской революцией было бы ошибкой. Напротив, следует помнить, что осуществление иранской ядерной программы началось еще при шахе, и это не «пунктик» одной лишь элиты — она пользуется широкой поддержкой в обществе.

Цели Ирана в ядерной сфере можно подытожить следующим образом:

- создать внутри страны все необходимое для полного цикла производства ядерного топлива;
- обеспечить себе военный ядерный потенциал;
- разработать средства доставки ядерного оружия с дальним радиусом действия, способные поражать цели не только на Большом Ближнем Востоке, но и за его пределами.

С точки зрения Тегерана приемлемый компромисс с международным сообществом должен отвечать всем трем перечисленным целям, а также сопровождаться полной международной «реабилитацией» Ирана и открытием ему доступа к передовым технологиям, инвестициям, кредитам, глобальным и региональным рынкам. Иран может согласиться технически остаться неядерным государством, соблюдая тем самым букву ДНЯО, но при этом его потенциал должен находиться лишь в полушаге от «ядерного порога» («японский вариант»).

Сможет ли международное сообщество смириться с таким результатом? Это зависит от его отношения к иранскому руководству. Скорее всего, оно

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
20

Осуществление иранской ядерной программы началось еще при шахе, и это не «пунктик» одной лишь элиты — она пользуется широкой поддержкой в обществе.

Никакое иранское правительство — даже демократическое — никогда полностью не откажется от ядерной программы.

согласилось бы с наличием ядерного потенциала у Ирана, дружественного Западу, — с правящим режимом наподобие шахского, или после демократических преобразований. Против враждебного Ирана оно, наоборот, будет применять санкции и иные ограничения.

Однако никакое иранское правительство — даже демократическое — никогда полностью не откажется от ядерной программы (более того, поскольку демократические страны тяготеют к национализму, при такой системе Иран, вполне возможно, будет рассматривать ее как символ возрождения страны и укрепления своих позиций на международной арене).

В ядерном и других важнейших вопросах главный международный визави Ирана — это Соединенные Штаты. Три ведущих страны Европейского союза — Британия, Германия и Франция — играют в основном роль посредников между Тегераном и Вашингтоном (именно эту функцию они выполняли в рамках диалога Ирана с Западом, когда Соединенные Штаты отказывались иметь с ним дело напрямую).

В то же время все более важным игроком на Ближнем Востоке и в вопросах, связанных с Ираном, становится Китай. Прагматичный Пекин рассматривает Иран не только как крупного поставщика энергоносителей, но и как страну, из которой он может получать нефть и газ по суше, исключая тем самым срыв его энергоснабжения военно-морскими силами США или Индии.

России в иранской драме принадлежит роль второго плана, но весьма важная. Она не способна напрямую повлиять на поведение Тегерана или служить посредником между Исламской Республикой и Вашингтоном. Тем не менее, будучи одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН и соседом Ирана, сотрудничая с ним в военной сфере и ядерной энергетике, она может поддерживать либо те круги в его руководстве, что выступают за конфронтацию с Соединенными Штатами, либо те, которые настроены на компромисс. Пока что четкого выбора Москва не сделала. Ее отношения с Ираном по-прежнему в очень большой степени носят двойственный характер.

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В прошлом основными элементами российско-иранских отношений были двусторонняя торговля, острое соперничество в регионе и геополитическая конкуренция России с другими державами за гегемонию в Иране. В начале XVIII столетия Петр Великий пошел на столкновение с Персией на Кавказе и в Прикаспии, аннексировав территорию вдоль побережья, которую, впрочем, его преемники вскоре уступили иранцам обратно, сочтя,

Будучи одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН и соседом Ирана, сотрудничая с ним в военной сфере и ядерной энергетике, Россия может поддерживать либо те круги в его руководстве, что выступают за конфронтацию с Соединенными Штатами, либо те, которые настроены на компромисс.

что она не стоит того, чтобы ее защищать. В XIX в. Россия нанесла ряд поражений шахскому войску и постепенно присоединила все персидские владения на Кавказе: Дагестан, Азербайджан и Армению. Народ Персии был глубоко возмущен этим унижением: в 1829 г. разъяренная толпа разгромила русскую миссию в Тегеране и перебила весь ее персонал включая и посланника. В России этот эпизод известен каждому школьнику: погибший посол Александр Грибоедов был выдающимся литератором, чья пьеса включена в школьную программу.

К началу XX в. Россия установила гегемонию в Северном Иране. В 1907 г. Петербург договорился с Лондоном о разделе сфер влияния: юг страны достался британцам. Эта сделка также завершила продолжавшуюся целых сто лет «большую игру» — британско-российское соперничество, охватившее все пространство от Кавказа и Каспия до Центральной Азии. Соглашение действовало и в годы обеих мировых войн: в начале каждого из этих конфликтов Россия и Британия оккупировали Иран в качестве меры предосторожности (в ходе Второй мировой войны СССР использовал свое военное присутствие для установления просоветского режима в Иранском Азербайджане, но в 1946 г. под давлением англо-американцев был вынужден вывести войска). В период «холодной войны» шах создал тесный альянс с Соединенными Штатами, привел страну в блок СЕНТО, пригласил в Иран американских военных советников и разместил на его территории разведывательные объекты США. Москва, в свою очередь, поддерживала левые и даже националистические иранские организации, враждебные западному империализму.

Реакция Москвы на Исламскую революцию 1979 г. была неоднозначной. Стратегическая неудача США и унижение, которому подверглась Америка в результате кризиса с заложниками, не могли не радовать советское руководство, но в то же время Кремль не знал, как относиться к феномену возрождения ислама. В докладе на XXVI съезде КПСС в 1981 г. Брежнев произнес знаменитую фразу: «Под знаменем ислама может развертываться и освободительная борьба». Однако в последующие годы, в том числе и на собственном горьком опыте в Афганистане, Москва смогла в полной мере оценить силу ислама и решимость тех, кто борется под его знаменем. В ходе Афганской войны 1979—1989 гг. Иран принимал беженцев из Афганистана и оказывал помощь моджахедам, сражавшимся против советских войск, особенно в провинции Герат. СССР, в свою очередь, сохраняя официальный нейтралитет в годы ирано-иракской войны, продолжал предоставлять Багдаду вооружения и военно-техническую помощь в соответствии с Договором о дружбе, подписанным в 1971 г.

После распада СССР Москва опасалась экспорта Исламской революции в Азербайджан и Центральную Азию. Поэтому она была приятно удивлена тем, что Иран не стал «браконьерствовать» на бывших советских

окраинах. Если Турция громко заявляла о своей солидарности с вновь образовавшимися тюркскими государствами Прикаспия, Тегеран не только помалкивал, но вместе с Россией предпринял усилия по прекращению гражданской войны в Таджикистане (политическое урегулирование было достигнуто в 1997 г.) и даже пролоббировал ее принятие в состав Организации «Исламская конференция» в качестве наблюдателя (2005 г.), несмотря на войну в Чечне. У Тегерана были веские основания для такой позиции в отношении России. Лишенный доступа к западным технологиям и поставкам оружия, он нуждался в альтернативных источниках их импорта. Вывод советских войск из Афганистана и крушение коммунистического строя в России дало ему такую возможность. Когда немецкие фирмы в 1990-х годах вышли из проекта по строительству АЭС в Бушере, иранцы обратились к российскому Минатому.

При выработке реакции на эти демарши Тегерана Москве необходимо освежить свои математические знания — ведь ей предстоит решить весьма сложное уравнение, в котором многочисленными переменными служат разнообразные российские интересы. У России, отчаянно нуждающейся в деньгах для поддержки разваливающейся военной промышленности, есть мощные стимулы для заключения с Ираном контрактов по поставкам вооружений. В то же время она не заинтересована в укреплении потенциального соперника, тем более в период собственного беспрецедентного ослабления. Особую настороженность в Москве вызывают усилия Ирана на ядерном и ракетном направлениях. С точки зрения общей геополитики российскому руководству необходимо пройти между Сциллой и Харибдой: отказ Ирану в передовых технологиях толкнет его в объятия Европы, а то и США, а слишком тесное сотрудничество с Тегераном вызовет гнев Вашингтона.

Таким образом, первым решающим фактором в политике Москвы по отношению к Ирану являются российско-американские отношения, а вторым — работы над иранской ядерной бомбой и баллистическими ракетами. Какое-то время Россия стремилась играть роль посредника, добиваясь дипломатического урегулирования между Ираном и международным сообществом под эгидой МАГАТЭ. Она поставила условием выполнения контракта по Бушере возвращение в Россию отработанного топлива с АЭС. В 2007 г. президент Путин приехал в Тегеран, надеясь убедить Ахмадинежада заключить соглашение с международным сообществом по иранской ядерной программе, но безуспешно. Москва публично заявляла о своей озабоченности испытаниями ракет в Иране и отдала под суд иранского шпиона, интересовавшегося атомными секретами. В то же время Россия пыталась удержать США и Израиль от удара по Ирану, поставив ему зенитно-ракетные комплексы «Тор-М1» и согласившись продать более мощную систему С-300 (выполнение контракта по последней было приостановлено, а в 2010 г. прекращено).

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
23

С точки зрения общей геополитики российскому руководству необходимо пройти между Сциллой и Харибдой: отказ Ирану в передовых технологиях толкнет его в объятия Европы, а то и США, а слишком тесное сотрудничество с Тегераном вызовет гнев Вашингтона.

Что же касается экономических интересов России в Иране, то они существенны, но ограничены. Строительство реактора в Бушере, официально введенного в эксплуатацию в августе 2010 г., можно назвать флагманом российско-иранского экономического сотрудничества, но этот проект наглядно демонстрирует, что его масштабы не так уж велики. Сумма этого контракта относительно скромна — миллиард долларов. Кроме того, российская сторона жаловалась на задержки с выплатами, а иранская — на медленные темпы строительства. Крайне неоднозначен бушерский проект и в политическом плане. Россияне не раз останавливали работу, ссылаясь на технические трудности, но на деле это была реакция на болезненное восприятие проекта Вашингтоном. Иранцы же тем временем «искушали» Россию и Европу прибыльными контрактами, в том числе и на строительство других АЭС.

С начала 1990-х годов Россия поставила Ирану значительное количество вооружений для сухопутных войск, в том числе танки Т-72, БМП и бронетранспортеры. Большее значение, впрочем, имеет закупка иранцами боевых самолетов (например, Су-24) и подводных лодок. Последние, например, могут быть применены против американской военно-морской группировки в Персидском заливе. В Израиле также подозревают, что недавно подписанные контракты о поставках в Сирию российских вооружений, в том числе истребителей МиГ-29, в какой-то мере оплачиваются Ираном и часть техники предназначена для него.

Санкции, введенные США и Евросоюзом против Ирана, превратили эту страну в один из немногих значительных рынков сбыта для российской продукции невоенного назначения, например, пассажирских самолетов. Однако планы продажи Исламской Республике современных реактивных лайнеров (например, Ту-204) сорвались из-за отказа России поставить комплексы С-300.

Иран обладает вторыми по величине (после России) запасами природного газа. В этой сфере у Москвы имеется двойкий интерес: получить долю в иранской газодобыче и поучаствовать в транспортировке «голубого топлива» из этой страны в Южную Азию. В то же время она не хочет, чтобы иранский газ поставлялся в Европу — на самый прибыльный рынок сбыта «Газпрома». По сути осуществимость проекта «Набукко» — езовского газопровода, альтернативного газпромовским «потокам», — зависит от доступа к иранскому газу, что в сегодняшней ситуации никоим образом не гарантировано. Кроме того, хотя Россия сотрудничает с Ираном и Катаром в рамках форума ведущих газодобывающих стран, она настороженно относится к любым схемам, существенно ограничивающим ее свободу действий на рынке «голубого топлива». Поэтому газовый форум вряд ли превратится в аналог ОПЕК, что явно не устраивает Тегеран.

Россия абсолютно не заинтересована в появлении у Ирана ядерного оружия и средств его доставки. Если это произойдет, геополитический и стратегический баланс сил на всем пространстве от Кавказа до Центральной Азии резко изменится, и не в пользу Москвы.

Россия абсолютно не заинтересована в появлении у Ирана ядерного оружия и средств его доставки. Если это произойдет, геополитический и стратегический баланс сил на всем пространстве от Кавказа до Центральной Азии резко изменится, и не в пользу Москвы. Россия обладает гегемонией в этом регионе с начала XIX в. и сумела сохранить ее даже после распада СССР. Мнение Москвы в таких вопросах, как статус Каспия и демаркация границ в этом море, расходится с точкой зрения Тегерана. И если Иран обретет ядерный потенциал, эти разногласия уже нельзя будет игнорировать без последствий.

Более того, Иран, обладающий ядерным оружием, станет для России более серьезным соперником в целом ряде стран региона — от кавказских республик до Таджикистана. Ядерный потенциал создаст вокруг Исламской Республики «искривленное пространство»: некоторым соседям волею неволей придется проводить политику, дружественную Тегерану. Это, несомненно, повлияет на геополитическую обстановку вокруг каспийских энергоносителей.

Если Иран в глазах России — это стратегический фактор регионального значения, то Россия в глазах Ирана — скорее орудие срыва американских планов. В неофициальной (а порой и не такой уж неофициальной) обстановке представители иранского истеблишмента не скрывают пренебрежительного отношения к России. В результате терпение Москвы по отношению к иранским партнерам начало истощаться.

С приходом в Белый дом администрации Обамы у России появилось больше возможностей связать свой общий подход к проблемам международного устройства с политикой как на американском, так и на иранском направлениях. «Перезагрузив» отношения с Россией и ликвидировав несколько серьезных раздражающих факторов вроде идеи присоединения к НАТО Украины и Грузии и планов по созданию системы ПРО в Европе, Барак Обама убедил Москву, что с ним можно иметь дело. Осознав, что новый президент США уже не рассматривает как реальные варианты смену режима или военный удар по Ирану, Россия в ноябре 2009 и июне 2010 г. согласилась на введение двух пакетов ограниченных экономических санкций против Исламской Республики.

В середине 2009 г. Россия де-факто приостановила реализацию контракта по поставке пяти батарей зенитно-ракетного комплекса С-300 стоимостью около 1 миллиарда долларов для иранской ПВО. Год спустя она проголосовала за резолюцию 1929 Совета Безопасности ООН, по сути запрещающую экспорт в Иран тяжелых вооружений, а затем ввела официальный запрет на поставки С-300. С другой стороны, Россия рассчитывает на реализацию соглашения с США по ядерной энергетике, открывающего американский рынок для Росатома. Тот факт, что этот

Иран, обладающий ядерным оружием, станет для России более серьезным соперником в целом ряде стран региона — от кавказских республик до Таджикистана.

контракт был заключен в момент нарастания напряженности между Москвой и Вашингтоном и прекращен в период ее разрядки, наглядно свидетельствует о роли отношений с США в российской политике по отношению к Ирану.

Впрочем, иранское руководство и без того осознает эту истину. В июле 2010 г. Ахмадинежад обрушился с критикой на президента Медведева, обвинив его в том, что тот плетется в фарватере Америки и превращается в орудие антииранской пропаганды США. С точки зрения Тегерана Москва перешла в лагерь его традиционных противников. Острота обвинений, звучащих из Тегерана, говорит о глубине разочарования иранского руководства поворотом в российской политике, лишившим его излюбленного дипломатического приема: возможности руками России вносить раскол в Совет Безопасности ООН и ослаблять действенность шагов, предпринимаемых США. Изменение позиции Москвы ставит в уязвимое положение и Китай, привыкший укрываться за спиной российской дипломатии при голосовании в Совете Безопасности. Оказавшись в центре внимания, Пекин в июле 2010 г. решил поддержать резолюцию о санкциях против Ирана, в результате чего Тегеран оказался в большей изоляции, чем рассчитывал.

Тем не менее Россия рассматривает Иран как нарождающуюся региональную державу с преувеличенным самомнением и большими амбициями — и не хотела бы иметь такую страну в числе своих противников. Поэтому Москва не станет участвовать в любой военной акции против Исламской Республики. Кроме того, Кремль помнит не только об усилении исламского фактора внутри своей страны и на ее новых границах, но и о катастрофических последствиях альянса с франко-британской Антантой в начале XX в., ввергнувшего Российскую империю в Первую мировую войну и проложившего путь к большевистской революции 1917 г. Сейчас у России нет союзника, чья независимость оказалась под угрозой, — такого, как Сербия в 1914 г. Поэтому в любом серьезном сегодняшнем конфликте она будет стараться хранить нейтралитет.

Таким образом, в случае американского или израильского удара по Ирану Москва отмежуеться от нападающей стороны и осудит применение силы без санкции Совета Безопасности ООН. Но это не означает, что в подобной ситуации она бросится поддерживать Иран. Скорее Россия постарается обезопасить себя от «ударной волны», которую такое нападение создаст на Большом Ближнем Востоке.

В случае американского или израильского удара по Ирану Москва отмежуеться от нападающей стороны и осудит применение силы без санкции Совета Безопасности ООН.

ПУТЬ ВПЕРЕД В ИРАНском ВОПРОСЕ

Из изложенного выше российского взгляда на иранский вопрос следует несколько рецептов относительно политики по отношению к Ирану, особенно в связи с его ядерной программой:

- Надежды на то, что в Иране в скором времени произойдет смена режима, необоснованны. Иранская оппозиция в обозримом будущем не сможет свергнуть нынешнюю власть, но и правящая группировка консерваторов не будет в состоянии полностью подавить оппозицию.
- Плюралистическая структура власти в Иране и набор сдержек и противовесов, встроенный в его политическую систему, защищает ее от крушения по советскому образцу. Даже такой серьезный шок, как события, последовавшие за прошлогодними президентскими выборами, не смог дестабилизировать обстановку в стране.
- Даже при нынешней консервативной политической системе в Иране происходит эволюция. За разочарованием в либералах при президенте Хатами (1997—2005 гг.) последовало недовольство консерваторами во главе с Ахмадинежадом и его покровителем — высшим руководителем Хаменеи.
- Таким образом, нельзя исключать, что иранский режим ждет постепенная эволюция, а в конечном счете, возможно, и значительная трансформация. Большая открытость внешнему миру и расширение контактов иранцев с другими народами будут способствовать этому процессу. Однако никакие изменения не заставят Иран отказаться от своих международных амбиций.
- Иран стремится стать региональной державой, чтобы соседи уважали его интересы и уступали его мнению в серьезных вопросах безопасности. Он рассматривает военное присутствие США в регионе и как угрозу себе, и как фактор, ограничивающий свободу действий Вашингтона. Самым серьезным соперником в борьбе за региональную гегемонию Тегеран считает Саудовскую Аравию.
- Возможно, Иран уже решил пойти дальше «японского варианта» (обретения лишь потенциала для создания ядерного оружия) и хочет, подобно Пакистану, обзавестись небольшим ядерным арсеналом. И сегодня, и в обозримом будущем это чревато большими рисками как для региона, так и для международной безопасности в целом.
- Эти риски только усилятся, если Иран полностью попадет под контроль агрессивных идеологов и их союзников из Корпуса стражей

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
27

Иран стремится стать региональной державой, чтобы соседи уважали его интересы и уступали его мнению в серьезных вопросах безопасности.

Исламской революции, способных использовать ядерную угрозу не только для обеспечения безопасности и международного престижа правящего режима.

На основе этих выводов мы полагаем, что разумная стратегия в отношении Ирана могла бы выглядеть следующим образом.

Продолжать переговоры. Диалог с Тегераном по ядерной проблеме и другим вопросам безопасности крайне важен. Ему не должна мешать озабоченность репрессивной внутренней политикой режима. Окно возможностей еще какое-то время останется открытым. Можно представить себе, что международное сообщество устроит компромисс между Ираном, Советом Безопасности ООН и Международным агентством по атомной энергии на таких условиях: Исламская Республика соглашается на самоограничение в ядерной сфере и соответствующий режим верификации, а остальной мир «возвращает ей свою благосклонность». Однако сторонники жесткой линии в Иране вряд ли пойдут на такое решение, поскольку оно поставит под угрозу их власть.

Не ограничивать круг партнеров. Диалог с Ираном затруднится или облегчится в зависимости от развития событий в ходе соперничества между консерваторами и более умеренными силами внутри режима. Международному сообществу необходимо разработать стратегию, дающую преимущество умеренным и не позволяющую сторонникам жесткой линии заручиться поддержкой общества. Параллельно с этим международному сообществу следует налаживать более тесный контакт с иранским народом в целом, особенно с молодыми технократами, недовольными Ахмадинежадом. Подобный контакт поможет подготовить Иран к реинтеграции в мировое сообщество.

Не компрометировать оппозицию. Борьба с нарушениями прав человека, в какой бы стране они ни происходили, — не только нравственный императив, но и один из важнейших элементов современной государственной политики. Однако в иранском контексте слишком тесная связь оппозиционеров с зарубежными правозащитными организациями дает режиму повод наклеить им ярлык «агентов Запада». Поэтому правозащитному сообществу и западным государствам необходимо помнить: здесь следует держать дистанцию.

Поддерживать единство постоянных членов Совета Безопасности. Единство международного сообщества, особенно Совета Безопасности ООН и пяти его постоянных членов, по иранской ядерной проблеме крайне важно. Когда они говорят в один голос, их «лучше слышно» в Тегеране, и это создает предпосылки для разумного компромисса. Однако эта сплоченность не должна выглядеть как крестовый поход христианского мира против шиитского Ирана.

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
28

Международному сообществу необходимо разработать стратегию, дающую преимущество умеренным и не позволяющую сторонникам жесткой линии заручиться поддержкой общества. Параллельно с этим международному сообществу следует налаживать более тесный контакт с иранским народом в целом, особенно с молодыми технократами, недовольными Ахмадинежадом.

Нельзя перегибать палку с санкциями. Санкции — лишь один из элементов стратегии. При неверном применении они способны укрепить власть правящего режима в Иране и расколоть международное сообщество. Одним словом, здесь нужна осторожность.

Избегать военной акции — последствия будут катастрофическими.

Удар по иранским ядерным объектам не решит проблему. Более того, он приведет к прямо противоположному результату. Такая акция расколет международное сообщество и дестабилизирует обстановку на Большом Ближнем Востоке. Кроме того, в этом случае Иран почти наверняка станет ядерной державой, а в его руководстве возьмут верх сторонники жесткой линии, жаждущие мести.

Готовиться проводить политику сдерживания в отношении Ирана, обладающего ядерным оружием.

Если у Ирана появится ядерное оружие, по отношению к нему необходимо будет проводить эффективную политику сдерживания. Совместные усилия США, НАТО и Российской Федерации по нейтрализации этой угрозы могли бы включать создание противоракетной обороны театра военных действий в сочетании с европейской ПРО, способной перехватывать ракеты дальнего радиуса действия. Совместные и действующие скоординированно системы защиты от баллистических ракет могут также стать основой для стратегического взаимодействия между Россией и Соединенными Штатами, способного превратить взаимоотношения в духе «холодной войны» в сотрудничество в сфере безопасности.

ИРАН:
Взгляд
из Москвы
29

Санкции — лишь один из элементов стратегии. При неверном применении они способны укрепить власть правящего режима в Иране и расколоть международное сообщество. Одним словом, здесь нужна осторожность.

SUMMARY

Moscow is growing increasingly wary of Tehran's broad ambitions, despite what some outside observers assume is a close relationship. Offering a view from Moscow, Dmitri Trenin and Alexey Malashenko explore Russia's evolving relationship with Iran, which, strong bilateral trade notwithstanding, is becoming increasingly contentious. Over the years, while Moscow did not want to strengthen a potential regional rival, it was desperate to save its crumbling defense industry, and Tehran seemed to offer a large and willing market. Iran, for its part, continued to use Russia as a foil to undercut U.S. policies. Now, as Moscow has reset relations with Washington, and Tehran has failed to accept a Moscow-brokered nuclear deal with the international community, — Russia has backed economic sanctions against Tehran and supported a United Nations Security Council resolution blocking the export of heavy weaponry.

Given the economic and military ties and the points of contention, Russia must act delicately in trying to curb Iran's behavior. Moscow does not have enough sway to alter Tehran's policies directly and it does not want to be an intermediary between Iran and the United States. But as Iran's neighbor and economic and military partner, and as a permanent member of the Security Council, Russia can encourage Iranian leaders to compromise with the West on the nuclear issue instead of confronting Washington.

Russia should help to lead the international community's efforts to stem Iran's belligerence, working instead with moderate voices in Iran and appealing to the Iranian people, who are disappointed with their leaders. With a strong understanding of domestic developments inside Iran, Russia should also push global powers to keep talking with Tehran on nuclear and other security issues and restrain international actions that will empower Iran's hard-liners.

Finally, Russia needs to find a way to prevent any nation from launching a military attack against Iran, which could destabilize the Middle East and divide the international community. While it will be difficult to maintain unity among the five permanent members of the Security Council, Russia can play a critical role in crafting a reasonable compromise.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

ИРАН:
ВЗГЛЯД
ИЗ МОСКВЫ
31

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

ИРАН: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

ДМИТРИЙ ТРЕНИН
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

Редактор А. Иоффе
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка И. Королев

Подписано к печати 15.10.2010
Формат 60х90 1/16.
Гарнитура Helios
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2
Тираж 1000 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»
127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96
classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии «August Borg»
Москва, 105264,
Верхняя Первомайская ул., д. 47, корп. 11

**ФОНД КАРНЕГИ
ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР**

Carnegie Endowment
for International Peace
1779 Massachusetts Ave., NW
Washington, DC, 20036, USA
Тел.: 1 202 483 7600
Факс: 1 202 483 1840
Email: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: 7 495 935 8904
Факс: 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
<http://www.Carnegie.ru>

ОФИС КАРНЕГИ В ПЕКИНЕ

Room 513, Chang Xin Building
39 Anding Road, Chaoyang District
Beijing, 100029, China
Тел.: 86 10 8275 0178
Факс: 86 10 6270 3536

КАРНЕГИ–ЕВРОПА

Carnegie Brussels Office
Rue du Congrès 15
1000 Brussels
Belgium
Тел.: 32 2739 0053
Факс: 32 2736 6222
Email: Brussels@ceip.org
<http://www.CarnegieEurope.eu>

КАРНЕГИ–БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Carnegie Middle East Center
Emir Bechir Street, Lazarieh Tower
Bloc A, Bldg. 20261210, 5th flr.
P.O. Box 11-1061
Downtown Beirut, Riad El Solh
Lebanon
Тел.: 961 1 99 1491
Факс: 961 1 99 1591
Email: info@Carnegie-mec.org
<http://www.Carnegie-mec.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР